

УДК 882.09+ [Набоков+Алданов]

В. НАБОКОВ И М. АЛДАНОВ: ДИАЛОГ О СЛУЧАЕ В ИСТОРИИ

Е.Г. Трубецкова

Саратовский государственный университет,
кафедра русской литературы XX века
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье проводится сопоставление эстетик В. Набокова и М. Алданова по отношению к роли Случая в истории, судьбе человека, творческом процессе. Материалом исследования являются статьи, рассказы, романы «Король, дама, валет», «Дар» В. Набокова и романы М. Алданова «Пещера», «Истоки», а также философская книга писателя «Ульмская ночь».

V. Nabokov and M. Aldanov: the Dialogue on Chance in History

E.G. Trubetskova

The article compares the aesthetic views of V. Nabokov and M. Aldanov on the role of contingency in history, in human's fate, in creative process. Their articles, short stories and novels «King, Queen, Knave», «The Gift» by Nabokov, «The Cave» and «Sources» by Aldanov, Aldanov's philosophical «The Ulm Night» make up the materials for the research.

«Диалог о случае в истории» – название главы книги Марка Алданова «Ульмская ночь», где в концентрированном виде, с привлечением философских и математических аргументов, изложена центральная проблема творчества писателя – размышления о ключевой роли случайных факторов в истории государств и революций. В книге авторская позиция выражена через диалог-полемику двух собеседников. И можно сказать, что в определенном смысле подобный диалог вел и сам Алданов со своими знакомыми и друзьями. Один из них – Владимир Набоков.

М. Алданов и В. Набоков были достаточно близко связаны в жизни (о чем свидетельствует их переписка¹), следили за творчеством друг друга (рецензия В. Набокова на алдановский роман «Пещера», отзывы на вышедшие произведения друг друга в письмах, деловое сотрудничество, когда Алданов был редактором «Нового журнала», а Набоков одним из авторов). Алданов упоминается и в художественных текстах Набокова: в «Даре» встречается мимолетная отсылка к алдановской иронии. Цитируя «Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье» Чернышевского, где упомянуто, что «жена Искандера... при получении из-

вестия, что мужа схватили... «падает мертвой», повествователь комментирует: «Ольга Сократовна, как добавил бы тут Алданов, мертвой бы не упала»². В романе «Пнин» Алданов скрывается за эмигрантским писателем Алпатовым – о нем, а также о Бунине и Сирине беседуют русские гости на вилле Кукольниковой, в «Других берегах» Набоков, рассказывая о литературной среде русской эмиграции, признается: «душевную приязнь, чувство душевного удобства возбуждали во мне очень немногие из моих собратьев. Проницательный ум и милая сдержанность Алданова были всегда для меня полны очарования»³. В американской версии автобиографии «Память, говори!» эти строки отсутствуют, но среди своих литературных знакомых писатель упоминает «мудрого, степенного, обаятельного Алданова»⁴.

Однако Б. Бойд, отмечая близкую дружбу писателей, подчеркивает несхожесть их литературных позиций и «абсолютное несоответствие темпераментов»⁵. Но думается, при всей разнице поэтики произведений Набокова и Алданова, интерес обоих к теме судьбы, случая, загадке смерти позволяет видеть и их пересечения. В частности, продуктивным представляется намеченное А. Долининым сопоставление историософских концепций двух писателей: «Вслед за Марком Алдановым (чьи исторические концепции на него, вероятно, повлияли) Набоков отрицает какую-либо общую закономерность в историческом процессе, рассматривая его как бесконечную череду случайностей, которые не поддаются ни систематизации, ни прогнозированию»⁶. На наш взгляд, здесь сложно говорить о влиянии, так как исторический индетерминизм Набокова органично продолжает эстетику писателя с его неприятием «общих мест» и «общих путей», вниманием ко всему уникальному. Но в переосмыслении роли случая

в истории и человеческой судьбе, безусловно, можно видеть общность позиций двух писателей.

Так, в «Соглядатае» Набокова главный герой рассуждает: «Глупо искать закона, еще глупее его найти... К счастью, закона нет никакого – зубная боль проигрывает битву, дождливый денек отменяет намеченный мятеж. Все зыбко, все от случая, и напрасно старался тот расхлябанный и брюзгливый буржуа времен Виктории, написавший темный труд «Капитал», – плод бессонницы и мигрени»⁷. А в эссе «On Generalities» (1926) автор писал: «Есть очень соблазнительный демон: демон обобщений... Через него такая зыбкая область человеческого знания, как история, превращается в чистенькую контуру, где в папках спят столько-то войн и столько-то революций... Этот демон вносит с собой ужасающую тоску, – сознание – вполне ошибочное, впрочем, – что, как ни играй, как ни дерись человечество, оно следует по неумолимому маршруту... Системы нет. Рулетка истории не знает законов. Кли смеется над нашими клише»⁸. Вспоминаются любимые слова алдановского героя: «Какие уж там законы истории, эту шутку выдумали историки. Поверьте, все в мире определяется случаем»⁹.

Случай занимает ключевое место в историософской концепции Алданова. «В мире царит случай, вот результат моего жизненного опыта», – так излагает свою философию один из очень близких автору героев¹⁰. В романе Алданова «Пещера» эта идея выражается в притчевой форме в произведении одного из героев – новелле химика Брауна о событиях Тридцатилетней войны в Германии. Центральный эпизод новеллы, первоначальное название которой «Магдебургская кошка», – роль случая во взятии войсками графа Тилли Магдебурга, когда не взорвались заложенные осажденными под центральной площадью бочки с порохом. «Взрыв же порохового погреба уничтожил бы и графа Тзеркласа Тилли, и его штаб, и большую часть его армии, а с ними и весь город Магдебург. Но огонек добежал лишь до первой галереи, зашипел и погас шагах в двадцати от бочки. И столь странно устроен мир, что та магдебургская кошка, которая накануне ночью, гоняясь в под-

земелье за крысами, с разбега наскочила на шнур и порвала его, оставила больший след в мировых судьбах, чем сам Тилли, и Валленштейн, и Ришелье, и император»¹¹.

В центре изображения романов М. Алданова – переломные моменты истории России и Франции на протяжении двух веков: девятое Термидора, заговор против Павла I, смерть Наполеона, убийство Александра II, Берлинский конгресс, Учредительный съезд РСДРП, появление на политической арене Муссолини, война 1914 г., те моменты, где развитие истории было непредсказуемым, и случай играл ключевую роль. Детально изучая факты (а Алданов, профессиональный химик¹² и к сбору материалов для романов подходил как ученый¹³), обладая редким «чувством истории», по выражению Г. Газданова¹⁴, Алданов в исследовании событий прошлого не отвергает принципа причинности, а, вслед за французским математиком Курно, вместо единой цепи причин и следствий предлагает видеть в истории бесконечное множество таких цепей. В каждой отдельно взятой последующее звено зависит от предыдущего, однако скрещение цепей случайно, поэтому история – царство слепого случая¹⁵. Таким образом, историософия Алданова представляет собой синтез детерминизма и случайности, хотя, отталкиваясь от господствующей концепции исторического детерминизма предшествующего столетия, писатель делает акцент именно на роли Случая.

Алдановское понимание Истории и роли Случая в ней объясняет едкий скептицизм автора по отношению к «великим личностям»: Тилли, Робеспьеру, Бисмарку, Биконсфильду, русским террористам и революционерам. Один из его героев – Мамонтов (в романе «Истоки» 1942–1946 гг.) называет их – «люди тройного сальто-мортале» и сравнивает политическую арену с ареной цирка¹⁶ (жизнь циркачей является одной из сюжетных линий романа): «Но у клоунов это хоть откровенно, у них самый безобидный способ забавлять людей, и цирк самый простой символ жизни. Конечно, для мира было бы гораздо лучше, если бы Бисмарк прошелся по канату над Ниагарой и на этом успокоил свою натуру человека тройного сальто-мортале»¹⁷.

С горечью отмечает Алданов, что решительно все выходит наперекор желаниям и ожиданиям подобных «делателей истории». Достаточно вспомнить итоги Берлинского конгресса или изображение в «Истоках» убийства народовольцами Александра II в тот момент, когда им уже был подписан проект Конституции. «Кровавое дело Желябова так же застопорило освобождение России, как дела Бисмарка застопорили освобождение Германии. Огромная разница в том, что, хоть по замыслу, дело народовольцев входило, как эпизод, в борьбу человека за свободу»¹⁸. В романе «Пещера» один из героев так объясняет неудачи подобных притязаний политических деятелей планировать ход истории, изменять судьбу своих стран. На слова Клервилля о научно-философской ценности учения большевиков Браун машет рукой: «Их учение – планиметрия, – мы, я думаю, вправе требовать и стереометрии»¹⁹.

Размышление о роли Случая в судьбе человека – не только ключевая тема писателя. В одном из поздних произведений – «Живи как хочешь» – эта идея получает воплощение на структурном уровне. При этом Алданов, продолжавший классические традиции русской литературы, создает экспериментальный роман, роман авторефлексии, включающий в себя две пьесы главного героя. Цель подобного эксперимента – показать героев основного пространства романа в центре больших исторических событий. В одной из пьес, созданных героем, его знакомые становятся участниками заговора против правительства Франции, в другой – переносятся в центр современных захватывающих событий. И здесь появляется алдановская мудрая и печальная ирония: «Гете говорил, будто никогда не слышал о преступлении, которого в известных обстоятельствах не мог бы совершить он сам. В каждом из нас заложены возможности преступника, пожалуй, в большей даже степени, чем некоторые другие, – это показала последняя четверть века...»²⁰.

Писатель представляет набор альтернативных путей для своих героев. И судьба для него – бесконечное ветвление, а не линейная причинно-следственная цепочка, как, например, в античной традиции, где судьба пони-

мается как «причинная цепь всего сущего» (у Диогена Лаэртского²¹), как «естественная соподчиненность, когда навечно одно следует за другим и сопутствует ему в неразрывном сплетении» (у Хрисиппа²²). (Примечательно, что Хрисипп при этом использует термин «синтаксис» (др. греч. *соподчиненность*), и именно этот термин, по свидетельству Диогена, Хрисипп ввел в грамматический обиход. Судьба становится естественным, физическим подобием грамматического синтаксиса, причем сам термин «синтаксис», использовавшийся первоначально в области языкового анализа, затем был перенесен в сферу бытия.)

Ветвление судьбы можно видеть и в произведениях В. Набокова. В «Соглядатае» Смуров рассуждает: «Есть острая забава в том, чтобы, оглядываясь на прошлое, спрашивать себя – что было бы, если бы... заменять одну случайность другой, наблюдать, как из какой-то серой минуты жизни, прошедшей незаметно и бесплодно, вырастает дивное розовое событие, которое в свое время так и не вылупилась, не просияло. Тайнственна эта ветвистость жизни: в каждом былом мгновении чувствуется распутие, – было так, а могло бы быть иначе, – и тянутся, двоятся, троются несметные огневые извилины по темно-му полю прошлого»²³.

Часто в рассказах писателя прочерчивается линия жизни героя после определенного ключевого события, но в итоге оказывается, что это лишь видение, сон, мечта. Мы возвращаемся в исходную точку и наблюдаем совершенно иное развитие событий. Например, в рассказе «Подлец» герой, вызвавший любовника жены на дуэль и понимающий, что ему, не умеющему стрелять, уготована смерть, в последний момент сбегает от своих секундантов, скрывается в городе, осознавая, что его репутация окончательно испорчена (здесь становится амбивалентным название рассказа – оно относится к Бергу, соблазнившему жену своего друга, но это же слово – подлец – главный герой применяет, примеряет и к себе, не прощая себе трусости). В конце концов, не выдерживая, покидая гостиницу и придя домой, он застаёт там своих секундантов, жену, веселых и оживленных, и узнает, что Берг тоже испугался, сбежал и его

секунданты пришли с извинениями. Внезапно эта линия прерывается, все это – лишь мечта героя: он по-прежнему в номере случайной гостиницы, с тоской ждет наступления следующего дня. В тексте отсутствуют маркеры, позволяющие читателю в процессе чтения распознать, где начинается видение героя. Нереальность описанных событий становится ясной уже *post-factum*. Такой же прием используется автором и в рассказе «Катастрофа», где герой Марк, спеша на свидание с Кларой, не получив известия о том, что она уже его не любит, неудачно соскакивает с подножки трамвая, получает тяжелый удар и обнаруживает, что чуть не попал под омнибус. Далее описан его путь к дому невесты, встреча с ней и с гостями, но эта линия жизни оказывается лишь бредом Марка в больничной палате, омнибус его все-таки сшиб, и, не приходя в себя, герой умирает. Здесь уже маркеры нереальности изображаемого используются автором, они не очевидны при первом прочтении, но ярко выступают при перечитывании эпизода. Подобным же образом в романе «Bend Sinister» изложена встреча Адама Круга с диктатором Падуком, итог которой прерывают строки: «Нет, не совсем так все это происходило». Дается другой вариант разговора. И он тоже ставится под сомнение: «Так? Или, быть может, иначе? Вправду ли Круг заглянул в подготовленную речь? И если заглянул, вправду ли она была настолько глупа?»²⁴

Осмысление Случая в истории и судьбе человека и в произведениях Алданова, и в произведениях Набокова связано с образами предсказателей.

Как можно судить из опубликованных А. Чернышевым фрагментов переписки двух писателей, тема предсказания, в частности точность астрологических прогнозов, обсуждалась писателями. В письме к Алданову от 20 мая 1942 г. Набоков приводит предсказание Ханусена, что Гитлер должен умереть 23 мая 1942 г. Позднее в том же году Алданов в статье «Предсказание П.Н. Дурново» помянет, что громадное большинство предсказаний не сбылось и что циничный Клемансо учил молодых журналистов: «Предсказывать нужно только то, что уже было»²⁵.

Ирония Алданова над возможностью предсказать судьбу была выражена в рассказе «Астролог» о последних днях фашистской Германии. В бункере после самоубийства Гитлера покровительствующий главному герою сановник говорит: «А вы, оказывается, были во всем правы.... Не вы лично, а вы, астрологи. Гитлер как раз на днях послал за своим гороскопом, и оказалось, что звезды все предсказали: его приход к власти, войну в тысячу девятьсот тридцать девятом году, два года блестящих побед, а затем тяжелые поражения.

– Небесные светила никогда не ошибаются. Наша наука основана на фактах, проверенных мудростью столетий, – сказал Профессор.

– Правда, – продолжал сановник, – в гороскопе еще говорилось, что в апреле тысяча девятьсот сорок пятого года Гитлер одержит полную победу над всеми...»²⁶

Образы предсказателей, гадалок встречаются во многих произведениях Алданова. Это могут быть эпизодические упоминания, как в «Истоках», когда из разговора дипломатов становится известным, что, может быть, главной причиной будущей войны (действие развивается в 1913 г.) будет предсказание майнцской колдуньи; в романе «Чертов мост» главному герою Юлию Штаалю гадают в Италии восточный астролог, причем требует очень высокую плату – полцехина – за гороскоп, когда же ничего не понимающий в кружочках, стрелочках, символах планет Штааль интересуется, что же все это значит, то оказывается, что толкование стоит еще столько же – полцехина. В «Повести о смерти» один из центральных – образ Роксоланы, на глазах читателя становящейся из рабыни известной гадалкой в Париже, относящейся к гаданию как к бизнесу и не верящей в возможность предсказания. На ее образе сходятся многие сюжетные линии, и в конце романа к ней приходит за предсказанием Бальзак.

Близкая тональность звучит и при изображении предсказателей у Набокова. В «Соглядатае» возможность предсказать судьбу или историю по «каверзной игре планет» определяется героем как притязания «нищего духом»²⁷. В «Других берегах», рассказывая

о Биаррице, повествователь упоминает дворец, где в шестидесятых годах невероятно изгибчивый медиум Daniel Home был пойман, говорят, на том, что босой ступней («ладонью» вызванного духа) гладил императрицу Евгению по доверчивой щеке²⁸.

В рассказе «Сестры Вейн» с иронией описаны спиритические сеансы у Цинтии, завершившиеся тем, что «наконец с великим стуком и разнообразными потрясениями и переплясами стола наше скромное общество посетил Лев Толстой»²⁹. Сложный образ предсказателя возникает в рассказе «Ultima Thule». О Фальтере, которому внезапно открылась тайна жизни и смерти, говорится, что «его главная заслуга перед собой та, что он сознательно обходил собственные таланты, делая ставку на дюжинное, общепринятое, а ведь он был одарен странными, чем-то обаятельными способностями. Пожалуй, только еще в самой молодости он не всегда умел сдержаться и мешал казенное натаскивание гимназиста... с необыкновенно изящными проявлениями математической мысли, остававшимися в моей классной какой-то холодок поэзии...»³⁰. В контексте данной статьи принципиально описание обретения Фальтером таинственного дара: «Пепельное от звезд чело ночи... забавная математическая задача, по поводу которой он в прошлом году переписывался со шведским ученым... сухой и сладкий запах, на днях полученное... известие о смерти сестры... и хотя в отдельности эти мысли и впечатления ничуть не были какими-либо новыми или особенными... они в своей совокупности образовали быть может наиболее благоприятную среду для вспышки, для катастрофической, как главный выигрыш, чудовищно случайной, никак не предсказанной обиходом рассудка, сверхжизненной молнии, поразившей его в ту ночь в том отеле»³¹.

Во многих произведениях Набокова звучит авторская ирония над уверенностью человека в том, что он может предвидеть, а тем более спланировать свою судьбу. Яркий пример можно видеть в романе «Король, дама, валет», сюжет которого насыщен разным рода случайностями, начиная со встречи Франса и четы Драер в купе. Само заглавие романа, связанное с темой карт, генерирует, с одной стороны, непредсказуемость, случай-

ность, с другой стороны – вводит тему рока³². Хитроумный план Марты и Франса убить Драера разваливается, в итоге погибает Марта. Причина неудачи героев в том, что, планируя обставить убийство мужа как несчастный случай, самого *случая* Марта боится и не принимает в расчет. Она приходит к выводу, что необходимо отказаться от яда или пистолета: «Посредников просят не беспокоиться. Отравы – сводня, пистолет – маклер. Оба могут подвести. Это оборотни случаи»³³. И в тщательно спланированном убийстве, «в этой ясной и гибкой схеме» только один недостаток: «Неподвижной всегда оставалась жертва, словно она уже заранее одеревенела, ждала. Все необходимые движения и последовательность их были рассчитаны превосходно. То, что называлось “Драйер”, отличалось от того, чем Драйер станет, только поскольку стоячее положение отличается от лежачего. Разница в перспективе, и больше ничего»³⁴. В то время как в романе подчеркивается, что сам Драйер любит все непредсказуемое³⁵.

Ирония автора над хитроумным планированием своей и чужой судьбы проявляется и в, казалось бы, мимолетных сценах: «Проходя через первые две комнаты, он (Франс. – *Е.Т.*) так живо вообразил, как, вот сейчас, толкнет вон ту дверь, войдет в гостиную, увидит ее в открытом сером платье, сразу обнимет, крепко, до хруста, до обморока, – так живо вообразил он это, что на мгновение увидел впереди свою же удаляющуюся спину, свою руку, – вон там, в трех саженях отсюда – открывающую дверь, – а так как это было проникновение в будущее, а будущее не дозволено знать, то он и был наказан. Во-первых, он зацепился о ковер, у самой двери, и раскрыл дверь с размаху. Во-вторых, гостиная была пуста. В-третьих, когда Марта вошла, она оказалась в бежевом платье, с закрытой шеей»³⁶. Ошибочность строгого расчета, обдуманного «построения судьбы» развенчивается и в «Даре» на примере жизни Н.Г. Чернышевского, близорукого материалиста («сочетание само по себе абсурдное!»), с его любовью к общему (энциклопедии) и ненавистью к особому (монографии)³⁷.

В произведениях Набокова встречается и другое значение слова «случай». «Случай» в словаре Даля, который был настольной книгой Набокова, – «происшествие... все неожиданное, не предвиденное, внезапное, нечаянное». Но это и «совпадение», «встреча», от со-лучать³⁸ – соединять. И этот оттенок слова многократно варьируется в произведениях Набокова. Одна из плоскостей сюжета «Дара» – «старание судьбы свести» героев – Федора Константиновича Годунова-Чердынцева и Зину. Этот же прием раскрывается и в «Истинной жизни Себастьяна Найта», где в рассказе о произведениях главного героя можно видеть автоописание собственных набоковских текстов. В частности, о романе «Успех» сказано: «Задача автора... и все волшебство и сила его искусства нацелены на выяснение точного способа, которым удалось заставить сойтись две линии жизни; в частности, вся книга – это великолепная игра причинных связей или, если угодно, исследование этиологической тайны случайных событий»³⁹.

«Час ... везения, мгновенного, страстно-го союза случая с судьбой» (цитирую «Дар») или, наоборот, – несоответствие ритма, несовпадение, случай-разлука лежит в основе сюжета многих набоковских произведений: «Машеньки», «Короля, дамы, валета», «Отчаяния», «Истинной жизни Себастьяна Найта».

Одна из центральных тем Набокова – замороженность «гениальным контрапунктом человеческой судьбы»⁴⁰. «Совпадение узоров есть одно из чудес природы». Недаром в художественных текстах писателя часто встречается мотив соединения осколков: «Фарфоровый иверень – и где-то ведь непременно должны были быть остальные, дополнительные к нему части, и я воображал вечную муку, каторжное задание... найти и собрать все эти части, чтобы составить опять тот соусник, ту супницу... а ведь если страшно повезет, то можно в первое же, а не триллионное утро целиком восстановить посудину – и вот он, этот наимучительнейший вопрос везения, лотерейного счастья, – того самого билета, без которого может быть не дается благополучие в вечности», – это строки из «Ultima Thule»⁴¹. С небольшим изменением повторится этот эпизод и в финале «Других берегов», встречается он и в более раннем «Возвращении Чорба».

Случайное верное соединение, совпадение осколков становится метафорой творчества. Описывая возникновение замысла произведения, Набоков говорил: «...так кусочки картины вдруг мгновенно сходятся у нас в голове, причем самой голове совсем невдомек, как и отчего сошлись все части, и вас пронзает дрожь вольного волшебства»⁴². Соединение случайных деталей, осколков является у Набокова и метафорой памяти: «высшее достижение Мнемозины» – это «мастерство, с которым она соединяет разрозненные части основной мелодии, собирая и стягивая ландышевые стебельки нот, повисших там и сям по всей черновой партитуре былого»⁴³. Сходство в пейзаже, облике предмета, реплика в диалоге совпадают, как продолжение одного узора, с явлениями прошлого и позволяют заново его пережить. В рассказе «Превратности времен» Набоков сравнивает воспоминание с пасьянсом: «... пасьянс заслуживает рассмотрения, особенно при равнодушии к его духовному двойнику, ибо не является ли игрой того же разряда упорядочивание воспоминаний, когда на досуге вникая в прошлое, как бы сдаешь сам себе происшествия и переживания?»⁴⁴

Итак, неожиданное, на первый взгляд, сопоставление эстетик В. Набокова и М. Алданова позволяет видеть определенные точки пересечения. Тема Случая, одна из центральных тем в творчестве М. Алданова, у Набокова выражается не так эксплицитно, но на разных уровнях текста и тоже является ключевой. В отличие от Алданова, прослеживающего роль Случая в большом историческом времени, Набоков исследует случайные факторы в судьбе отдельного человека, видит в Случае генератор творчества и памяти.

В свете данной темы перспективным представляется анализ поэтики случайности на уровне повествовательных стратегий у Набокова (о чем пишет в своей монографии Б.В. Аверин⁴⁵), а также в текстах обоих писателей анализ образов, традиционно связанных в литературе и культуре с темой случая (трамвай, телефон, поезд).

Анализ оппозиции случай/детерминизм может стать одним из критериев соотношения гуманитарного и естественно-научного мышления в XX веке. Набоков, как и Алданов, не признавал пропасти между «двумя

культурами» (Ч. Сноу). На вопрос А. Аппеля он ответил: «Я мог бы сравнить себя с Колоссом Родосским, расставившим ноги над пропастью... если бы эта пропасть не была всего-навсего ямкой в канаве, над которой способен стоять враскоряку и лягушонок»⁴⁶.

Примечания

- ¹ См.: Бойд Б. В. Набоков. Русские годы. М., 2001.
- ² Набоков В. Дар // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т.3. С.206.
- ³ Набоков В. Другие берега // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т.4. С.287.
- ⁴ Набоков В. Память, говори! // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т.5. С.564.
- ⁵ Бойд Б. В. Набоков: Русские годы / Биография. М.; СПб., 2001. С.458.
- ⁶ Долинин А. Доклады В. Набокова в Берлинском литературном кружке // Звезда. 1999. №4. С.9. См. также его статью «Клио смеется последней: Набоков в споре с историзмом», где автор проводит сопоставление индетерминизма Набокова с переосмыслением традиционного историзма у М. Алданова и П. Бицилли (Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб., 2004. С.194).
- ⁷ Набоков В. Соглядатай // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т.4. С.310.
- ⁸ Набоков В. On Generalities // Звезда. 1999. №4. С.12–13.
- ⁹ Алданов М. Пещера // Алданов М. Собр. соч.: В 6 т. М., 1991. Т.4. С.346.
- ¹⁰ Алданов М. Живи как хочешь // Алданов М. Собр. соч.: В 6 т. М., 1995. Т.5. С.171.
- ¹¹ Алданов М. Пещера. С.301.
- ¹² См. его монографию «Актинохимия» (1937), которую писатель называл своим лучшим произведением, и книгу «К возможности концепций в химии» (1951).
- ¹³ В 1926 г. В. Кизеветтер, известный историк, в рецензии на роман Алданова «Чертов мост» писал: «Под каждой исторической картиной и под каждым историческим силуэтом вы смело можете пометить: "с подлинным верно" <...> Каждую строку своего художественного повествования он (Алданов. – Е.Т.) может обосновать ссылкой на документы. А нередко такая строка стоит ему немалых предварительных историко-критических исследований» (Кизеветтер В. М. Алданов. Чертов мост // Современные записки. 1926. №28. С.477).
- ¹⁴ Цитируя слова В. Ключевского: «Русские авторы обыкновенно плохо знают историю. Исключение составляет граф Салиас: он ее совсем не знает», Газданов писал: «В отличие от этих авторов, Алданов знал историю так, что в его романах ошибок не было и не могло быть. Это объяснялось его исключительной эрудицией, он был человеком всесторонне образованным, прекрасно знал иностранные языки, был совершенно лишен наивности и был одарен еще одним редким качеством – историю он действительно понимал. Кроме того, не было человека более добросовестного, более требовательного к себе, чем Алданов, более прилежного в изучении источников, проводившего больше времени, чем он, в Национальной библиотеке в Париже» (Газданов Г. Загадка Алданова // Литературное обозрение. 1994. №7/8. С.77).
- ¹⁵ См.: Алданов М. Ульмская ночь. Гл. «Диалог о случае в истории».
- ¹⁶ Подобное сопоставление намечено автором в «Пещере» (1935), когда после подписи мирного договора в Версале, закончившегося оглушительными рукоплесканиями публики Клемансо и Ллойд-Джорджу, идет вставка из Тацита, которого читает Браун: «Народ же был только зрителем дела, присутствуя на нем как на цирковых играх. Рукоплесканиями приветствовал он то одних, то других. Но когда одна сторона слабела, когда побежденные укрывались в домах и лавках, он грозно требовал их выдачи и казни, а сам грабил имущество. Лик Рима был отвратителен и страшен» (Алданов М. Пещера. С.96).
- ¹⁷ Алданов М. Истоки // Алданов М. Собр. соч.: В 6 т. М., 1991. Т.5. С.523.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Алданов М. Пещера. С.138.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Цит. по: Гринцер Н.П. Грамматика судьбы (фрагмент теории Стои) // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 20.
- ²² Там же.
- ²³ Набоков В. Соглядатай // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т.4. С.310.
- ²⁴ Набоков В. Под знаком незаконнорожденных // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т.5. С.323–325.
- ²⁵ «Как редко теперь пишу по-русски...» Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова / Вступл., примеч., подг. текста А.Чернышева // Октябрь. 1996. №1. С.133.
- ²⁶ Алданов М. Астролог // Алданов М. Собр. соч.: В 6 т. М., 1991. Т.2. С. 538.
- ²⁷ Набоков В. Соглядатай // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т.4. С.310.
- ²⁸ Набоков В. Другие берега // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т.4. С.218.
- ²⁹ Набоков В. Сестры Вейн // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т.3. С.284.
- ³⁰ Набоков В. Ultima Thule // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т.4. С.443.
- ³¹ Там же. С.445.
- ³² См.: Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т.2.
- ³³ Набоков В. Король, дама, валет // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т.1. С.235.
- ³⁴ Там же. С.225.
- ³⁵ «Он втайне сознавал, что коммерсант он случайный, ненастоящий, и что в сущности говоря, он в торговых делах ищет то же самое – то летучее, обольстительное, разноцветное нечто, что мог бы он найти во всякой отрасли жизни. Часто ему рисовалась жизнь, полная приключений и путешествий, яхта, складная палатка, пробковый шлем, Китай, Египет, экспресс, пожирающий тысячу километров без передышки, вилла на Ривьере для Марты, а для него музеи, развалины, дружба со знаменитым путешественником, охота в тропической чаще» (Набоков В. Король, дама, валет. С.250).

- ³⁶ *Набоков В.* Король, дама, валет. С.167.
- ³⁷ *Набоков В.* Дар // Набоков В. Собр соч.: В 4 т. М., 1990. Т.3. С.217.
- ³⁸ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т.4. С.226.
- ³⁹ *Набоков В.* Истинная жизнь Себастьяна Найта // *Набоков В.* Собр соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т.1. С.75. «Две линии, которые в конце концов сходятся в точке встречи, в действительности – не прямые стороны треугольника, неукоснительно расходящиеся к неведомому основанию, но волнистые кривые, которые то разбегаются, то почти соприкасаются. Иными словами, в жизни этих людей имелось самое малое два случая, когда они, не ведая друг о друге, едва не встретились. В каждом случае судьба, казалось, готовила встречу со всевозможным тщанием... но всякий раз небольшая ошибка (тень упущения, заделанная лазейка оставленной без присмотра возможности, прихоть свободной воли) отравляет радость детерминиста, и две жизни вновь разбегаются с нарастающей скоростью... Но судьба слишком настойчива, чтобы теряться от неудач. И окончательного успеха она достигает посредством таких тонких махинаций, что не раздается и легкого щелчка, когда эти двое сходятся» (*Набоков В.* Истинная жизнь Себастьяна Найта. С.76–77).
- ⁴⁰ *Набоков В.* Дар. С.237.
- ⁴¹ *Набоков В.* Ultima Thule. С.441.
- ⁴² *Набоков В.* Искусство литературы и здравый смысл // *Набоков В.* Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С.473.
- ⁴³ *Набоков В.* Другие берега. С.236.
- ⁴⁴ *Набоков В.* Превратности времен // Набоков В. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1997. Т.3. С.240.
- ⁴⁵ *Аверин Б.В.* Дар мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003. С.277–279.
- ⁴⁶ Там же.